

Роман Соловьев

Назад в СССР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Соловьев Назад в СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42630606

SelfPub; 2023

Аннотация

Володя Соколов едет в пионерлагерь в 1989 году, а попадает в 2019 год, да еще сразу оказывается сорокалетним мужиком... Содержит нецензурную брань.

Роман Соловьев

Назад в СССР

1

1989 год

Теплый май во всю благоухал. Шумели позеленевшие кроны деревьев, солнечные лучи ласково припекали, врываясь сквозь шторы в огромные окна класса. А на футбольном поле, за школой, шла настоящая баталия. Возгласы игроков и болельщиков доносились издалека.

Продержаться бы еще два урока – и скорее на озеро! В манящую, волшебную прохладу...

– Соколов, ты о чем задумался?

Я вздрогнул. Надо мной стояла, слегка улыбаясь, Вероника Сергеевна, преподаватель русского языка и литературы.

– Ни о чем, Вероника Сергеевна...

– Он все о космосе мечтает, – хохотнул Димка Горшенин.

Полгода назад, в сочинении на тему: «Моя будущая профессия», я написал, что хочу стать космонавтом, и теперь Димка не упускал случая меня подколоть.

Я незаметно показал ему кулак.

– Володя, ты успел записать список литературы, который необходимо прочитать за летние каникулы? – учительница взяла мою тетрадь и удивленно взглянула на чистый лист.

– Я... потом перепишу.

Вероника Сергеевна нахмурилась, но от этого ее красивое лицо с широкими скулами, небольшим правильным носиком, и слегка пухлыми губами, стало еще прекрасней. Я давно заметил, что гнев красит многих женщин. Учительница неторопливо прошла между рядов, и уселась за свой стол.

– Ребята, я вам всегда говорила и еще буду много раз говорить, – она тяжело вздохнула, – вы учитесь не для меня, и не для своих родителей... ваша учеба – это билет в светлое, счастливое будущее. А каким оно будет, это будущее – зависит только от вас.

Галя Тишкова вытянула вверх руку:

– Вероника Сергеевна, а правда, что в Америке до сих пор не все дети имеют возможность учиться? И вообще в западных странах все обучение платное?

– Да, ребята. К сожалению, это правда. Многие дети на Западе не могут и не имеют возможности учиться. Ребята не умеют читать, писать... многие уже с двенадцати лет подрабатывают на улицах, продают газеты, торгуют в точках питания, таких как «Макдональдс» и прочих... Вам, в этом отношении, повезло. Наше советское правительство смотрит в будущее и дает бесплатное образование детям не только в школах, но и в ВУЗах. Всем гражданам предоставляется работа, а молодым специалистам выделяется бесплатное жилье...

Семен Кривогузов сощурился от солнечного зайчика и лениво поднял руку:

– Вероника Сергеевна, а это верно, что скоро в СССР наступит коммунизм?

– Ребята, для того, чтобы построить коммунизм, и жить в счастливом будущем, вам нужно хорошо учиться в настоящем времени...

Звонок прозвенел пронзительной трелью. Учебники и тетрадки сразу полетели в сумки и портфели, ребята быстро вскочили со своих мест.

– Шестой «в»! – учительница хлопнула ладонью по журналу, – я еще никого не отпускала!

Класс недовольно загудел, как растревоженный посреди зимы пчелиный улей.

– Ладно, можете идти. Соколов, а ты останься.

Я немного выждал, когда все ребята выйдут из класса. В замочную скважину со стороны коридора кто-то наблюдал. Я почти на сто процентов уверен, что это любопытный Дима Горшенин.

Учительница внимательно посмотрела на меня пронзительным взглядом темно-карих глаз. Она все время напоминала мне актрису из кино, только я никак не мог вспомнить имя и фамилию этой актрисы...

– Володя, я понимаю... весна, учиться совсем не хочется. Тем более последняя учебная неделя в этом году...

Она сидела, закинув ногу на ногу, и я невольно покосился на приятный изгиб ее стройных ног.

– Не хочу сейчас вызывать в школу твоих родителей... Во-

лодя, соберись и закончи учебный год хорошо. На лето я дам тебе индивидуальное задание. Прочитаешь книгу «Школа» Аркадия Гайдара, а потом расскажешь классу, о чем это произведение и о героическом пути красноармейцев в победе над белогвардейцами. Составишь собственное изложение и сделаешь выводы.

– Хорошо, Вероника Сергеевна.

– Хорошо... Вот сам-то, как думаешь, почему красноармейцы победили «белую кость», как иногда называли белогвардейские войска?

– Потому что «красные» стояли за простой народ и бедняков. За справедливость. «А белые» хотели угнетать людей. Чтобы простой народ гнул спину на работе с рассвета до заката за копейки, работая на капиталистов. Они хотели даже царя вернуть .

– Ну, мыслишь ты правильно... ладно, Володя, можешь быть свободен.

Я хотел толкнуть дверь по резче, но Горшенин уже успел отойти на несколько шагов назад.

– Опять уши грел, Диман?

– Да не... – пожал он плечами, – просто мимо проходил.

В столовке я выпил два стакана бесплатного молока, а за кекс пришлось заплатить целых пятнадцать копеек.

– Сокол, давай с физики свалим, – толкнул меня по плечу Генка Киселев, мой закадычный друг еще с раннего детства. Больше всего крепыш Генка любил физкультуру, уроки

труда и немного историю. Остальные предметы, в особенности математику и физику, просто ненавидел, и тупо все переписывал у отличницы Анечки Симаковой, с которой сидел за одной партой с третьего класса. Свое право переписывать готовые решения задачек он отрабатывал сполна, защищая симпатичную отличницу от школьных хулиганов.

– А куда пойдём, Геныч?

– На озеро. Мишка Синяк с бандой понтонный плот сейчас оборудуют. Поплаваем с ними, а после с водокачки попрыгаем...

– А где они понтонный плот взяли?

– Мишкин батя в «Мостострое» работает, вчера притащил на «Мазе».

– Тогда побежали, из-за одного урока ничего не будет...

Мы вернулись на второй этаж, незаметно забрали школьные сумки с подоконника, и помчались вниз, столкнувшись на лестнице с нашим старостой, Денисом Зайцевым.

– Куда это вы собрались? – Денис, нахмурившись, посмотрел на нас, уперев руки в бока.

– Денис, мы сваливаем, – Генка легонько толкнул его в плечо.

– Тогда я отмечу ваш пропуск в своем журнале. Да и Игорь Константинович останется недоволен.

– Отмечай-отмечай... стукачек... – пробормотал я.

По дороге на озеро мы зашли на стройку, забрались на второй этаж блочного недостроенного дома, и усевшись на

кучу керамзита, неторопливо закурили.

– Ну что, как насчет сплава на лодке по Ахтубе? – Гена важно выпустил сизый дым через ноздри.

– Меня родители в июне в пионерлагерь отправляют. На весь месяц.

– А тебе это надо?

– Поеду. Я же еще никогда в пионерлагере не был.

– Я в прошлом году был в « Орленке». Мне совсем не понравилось. Поднимают рано, везде строем ходишь, да еще тихий час этот... Тебе куда путевку взяли?

– В «Золотой колос».

– Далеко. И захочешь – не сбежишь.

– А зачем сбегать?

Гена пожал плечами:

– У нас каждую неделю кто-нибудь ноги делал...

– Родители хотят в квартире ремонт сделать, чтобы я под ногами не путался. Мне сказали – или к бабушке в деревню или в пионерлагерь. Я решил – лучше в лагерь поеду...

– А сестренка твоя, Маринка?

– Она же все равно целыми днями в детском садике.

– Понятно. Но ничего, тогда в июле отправимся по реке.

Месяц быстро пролетит... – Генка метким щелчком пальца выбросил окурок в бетонную щель в плите. – Погнали на озеро!

2

Через неделю старенький автобус «Кубань», страшно

скрипящий на поворотах, увозил меня и еще несколько ребят и девчонок с нашего городка, все дальше и дальше от дома, в пионерский лагерь «Золотой колос».

– Вовка, давай держаться вместе, – ко мне, на заднее сидение, подсел рыжий Яшка Трофимов, из параллельного класса.

– Пацаны, я тоже с вами, – к нам присоединился Андрей Дронов, он учился в седьмом классе, но росточком был даже ниже нас, и казался на пару лет младше.

Мы всю дорогу лопали домашние пирожки и конфеты, запивая лимонадом, и поглядывая на лесные посадки вдоль автотрассы, степные просторы и серебряные полосы рек.

К вечеру автобус свернул с автотрассы и въехал в сосновый бор. Вдали, между частоколом высоких сосен, показались кирпичные корпуса лагеря, огороженные деревянным забором.

Когда все ребята ватагой высыпали из автобуса, со своими рюкзачками, нас сразу повели в медпункт. Пухленькая медсестра, с чуть заменимыми усиками над верхней губой, быстро осмотрела и ощупала наши волосы. Она что-то записала в тетрадке и кивнула длинному верзиле в синем спортивном костюме.

– Юра, забирай, все нормально. Осмотрела.

Верзила построил нас и пересчитал по головам:

– Меня Юрий Константинович зовут. Я физрук пионерлагеря. Надеюсь, ребята, вы будете себя хорошо вести?

– Ага...– пробубнили мы, и направились вслед за мрачным физруком.

– А как у вас тут с культурно-массовыми мероприятиями? – попытался пошутить Яшка.

Юрий Константинович улыбнулся, растянув тонкие бледные губы, но ничего не сказал. Он привел нас к длинному кирпичному корпусу, с деревянной зеленой верандой-прихожей, и приказал занимать койки в комнатах. Девчонок физрук повел в другой корпус.

Комнаты оказались небольшие, всего на трех человек. Яшка, Андрей и я – заняли угловую комнату с номером восемь. Мне досталась кровать справа, возле стены. Я неторопливо раскладывал вещи из рюкзака в тумбочку и шкафчик, не зная, куда положить пакет с оставшимися пирожками.

– Ребята, уже устроились?

Я обернулся и увидел симпатичную девушку с темно-русыми волосами до плеч, в коротких, светлых шортах и белоснежной футболке. Красный пионерский галстук прикрывал ее высокую упругую грудь, рвущуюся наружу, из обтягивающей футболки.

– Меня Лена зовут. Я пионервожатая вашего первого отряда. Пакеты с пирожками, колбасой и яйцами сдайте мне, а конфеты можете оставить.

Она быстро собрала пакеты с продуктами.

– Пока располагайтесь, отдыхайте, через сорок минут построение на ужин.

Когда пионервожатая вышла, Яшка мечтательно протянул, вытянув в трубочку толстые губы:

– Вот это соска, я бы даже на такой женился...

Не успели мы толком разложить вещи, как из соседнего крыла корпуса пришли трое пацанов. Вперед вышел коренастый бритый паренек, наморщив большой, породистый нос:

– Пацаны, вы тоже в первый отряд?

– Да... только сейчас приехали... – протянул Яшка.

– Меня Костей зовут. Я местный, из Зареченска. А это, – он кивнул на ребят, – Славик и Димон.

Мы пожали друг другу руки.

– Сегодня после ужина пойдем на футбольное поле. Я собираю лагерную сборную, посмотрю, что вы из себя представляете...

– А ты чего тут раскомандовался? – удивился Андрюха, – староста отряда что ли?

– Да нет... – пожал плечами деловой Костя, – я просто футбол люблю. А это уже ваше дело – будете вы участвовать в лагерной сборной или нет...

– А я пионербол больше уважаю, – честно признался я.

– Дурак ты. Футбол – это мировая игра. К тому же наши парни в сборной СССР скоро порвут всех на Чемпионате Мира. И знаете почему?

– Почему? – поинтересовался Яшка.

– Потому что игроки из капстран играют за деньги, а наши за Родину. За страну. Вот почему.

В коридоре послышались тяжелые шаги и в комнату вошел невысокий плечистый мужичок с большими залысинами. Белые шорты, футболка, и красный галстук на груди смотрелись на нем немного карикатурно:

– Добрый вечер, ребята. Я Борис. Ваш второй пионервожатый. Смотрю, вы уже познакомились? Тогда дружно строимся на ужин...

Ужин мне совсем не понравился. Молочная рисовая каша, два кусочка темного хлеба и компот из сухофруктов. Этот рацион напомнил мне больничное меню. Когда мне было пять, я с отцом лежал в больнице, и кормили примерно так же.

– Этот наш пионервожатый странный какой-то... – пробурчал Андрюха, – видели, у него на руке татуировка «Алекс», а самого почему-то Борисом зовут.

– На самом деле он не пионервожатый. Он американский шпион... – задумчиво сказал Яшка, залпом выпивая второй стакан компота, – мне он тоже сразу не понравился...

После ужина нам разрешили погонять в футбол на поле, за спортплощадкой. Футболист Костя остался сильно недоволен нашей игрой:

– По полю бегать надо, а вы ходите еле-еле, будто бабы беременные!

– Тренер из тебя, Костян, хороший получится... – цокнул языком Борис.

– Слушай, Борис, а на речку завтра пойдем купаться? –

поинтересовался Яшка.

– В первую неделю вряд ли. Вода в реке еще плохо прогрелась. И сами не вздумайте бегать. И вообще... даже думать забудьте о том, чтобы самостоятельно за забор, в лес выходить.

– Это почему?

– У нас здесь зверья дикого кругом полно. В прошлом году солдат-дембель возвращался домой и решил путь через лес срезать. Через два дня грибники нашли только его сапоги, а в них обрубки ног. А вокруг полно огромных кабаньих следов...

После отбоя мы молча лежали на своих кроватях. Почему-то в первый вечер в пионерлагере совсем не спалось.

– Да гонит все Борис про диких кабанов... – пробормотал Яшка, – спецом, чтобы мы за территорию лагеря не бегали...

– А если ты такой смелый, сходи сейчас в лес, по темному... – улыбнулся Андрюха.

– Сегодня не пойду. Устал. А завтра – запросто. Сходим, Володя?

Я пожал плечами и посмотрел на печальную луну за окном, на яркие летние звезды, и почему-то долго еще не мог уснуть, слушая, как раздувается ветер за окном, раскачивая верхушки высоких сосен, которые в полутьме напоминали сказочных и злобных великанов, поработивших детей, и посадив их в каменные коробки...

Спозаранку, над сосновым бором, разливался звук пионерского горна.

– Мальчишки, подъем! – носилась по корпусу энергичная Лена, в спортивном костюме, кидая подушками в ребят, не желавших вставать. – Бежим двухкилометровый кросс!

Я бежал вслед за девушкой, наблюдая за ее округлыми ягодицами, обтянутыми спортивным трико и мне хотелось так бежать еще и еще, хоть до самого обеда...

На лесной опушке мы сделали зарядку, и построившись, направились по грунтовой дороге обратно в лагерь

После завтрака наш отряд толпился на пяточке, возле Штаба, пионервожатый Борис собрал всех в кучу, и спросил:

– Ребята, как отряд назовем?

– Может, « Орленок»? – предложила чернявая Аня, самая крупная девочка из нашего отряда.

– «Красногвардейцы»! – рявкнул Яшка.

Вожатый задумался, почесав подбородок.

– « Соколы Ильича», – тихо сказал Андрюха.

Довольный Борис хлопнул себя по коленке:

– Отличное название! Вот так и назовем!

После обеда, во время тихого часа, нам не спалось. Андрюха читал книгу, а мы с Яшкой рубали в морской бой.

– Пацаны, вот скажите, что это за пионерлагерь такой? – возмутился Яшка. – Ни на речке искупаться, ни по лесу походить...

Андрюха отложил книгу в сторону:

– Зато у нас Леночка есть...

– Это да...Зачетная телка...– мечтательно протянул Яша,– вдул бы ей, Володька?

Я вспомнил, как на зарядке, задорно подпрыгивали ее груди под футболкой, и мне сразу стало весело...

Вечером, на летней сцене клуба, проходил конкурс на лучший пионерский девиз. Наш отряд «Соколы Ильича» занял первое место, с речевкой:

Когда идем в строю, плечо к плечу,
Неся наш красный флаг из кумача,
Мы знаем – нам любое дело по плечу,
Готовы жизнь отдать заветам Ильича!

Андрюха очень гордился, что сам сочинил эту речевку. После конкурса ребята разбрелись по территории лагеря. Я сидел на скамейке, возле корпуса, и листал свежий номер журнала «Костер». Вдруг сзади мне зарядили по уху щелчком. Я резко обернулся – сзади стоял и улыбался футболист Костя:

– Сокол, пойдем где-нибудь подышим...

Мы зашли за угол столовой, и спрятались за бетонными кольцами.

– Вовка, у тебя баба-то дома есть? – Костя расслабленно выдохнув дым через ноздри.

– Есть конечно...

Я вспомнил о Наташе Смирновой. Симпатичная, глазастая девочка с короткой светлой челкой, мне очень нравилась. Она жила в соседнем дворе и училась в нашей школе, в пятом классе. Пару раз я проводил ее домой со школы, и даже обещал взять Наташу в летний сплав по Ахтубе. Она всегда смотрела на меня огромными голубыми глазами, и удивлялась, когда я что-то рассказывал. А я ведь, скотина, даже не попрощался с ней, когда уехал в пионерлагерь...

– И у меня тоже дома есть... И не одна, – Костя затушил окурок об подошву ботинка. – А здесь, я смотрю – одни коряги. Ну, кроме Леночки, конечно... Знаешь, что Борис про нее сказал? «Она недоступна, как Эверест...»

– Почему же Эверест недоступен? Его покоряли, и не один раз...

– Ну, попробуй... Лена парня ждет со службы, моряка Балтийского флота.

– И откуда ты, Костик, все знаешь?

– Я после обеда сам ей конверт от почтальонки передал. Вот так-то.

Вечером, перед отбоем, Лена обошла все комнаты в нашем корпусе, пожелав всем спокойной ночи.

– Лучше бы она не приходила перед сном... – проворчал Яшка, – опять всю ночь одеяло будет колом стоять...

– А ты лысого погоняй в сортире и все пройдет... – посоветовал Андрюха.

– Слышь, придурок, я такой ерундой не занимаюсь... –

пробурчал Яшка и отвернулся к стене.

На следующий день, наш начальник пионерлагеря, Валентин Петрович Загорулько, пожилой, пузатый, и с огромной лысиной, собрал всех на линейке, объявив официальное открытие летней смены. Физрук Юра торжественно поднял на флагштоке красный флаг и мы, вытянувшись в струну, замерли под гимн Советского Союза. Огромная жирная муха села на лысину Петровичу, во время исполнения гимна, но он даже не шелохнулся.

После линейки, начальник лагеря выбрал пятерых ребят из нашего отряда, и повел на хоздвор. Возле ворот кирпичного склада притаился «Зилок» с высокими бортами.

– Ребята, вы знаете, что в нашей стране сейчас катастрофически не хватает металлолома? – спросил Петрович. – А нужно ведь строить новые самолеты, корабли и ледоколы...

– Наша школа весной двадцать четыре тонны металлолома сдала, – похвалился Костя.

– Молодцы. На этом складе, ребята, находится разный хлам. Вам нужно отобрать металл и погрузить в самосвал.

Он поманил пальцем водителя в кепке:

– Антон, ворота открой, и въезжай прямо в склад, чтобы пацанам меньше таскать.

Валентин Петрович озадачил нас, а сам ушел обратно, в Штаб.

На складе действительно было навалено много хлама. Мы

выбирали обрезки труб, уголки, старые чугунные батареи, металлические бочки – и все грузили в самосвал.

– Покурите хоть, пионерия... – удивленный водитель заглянул в кузов, – ну вы даете, за два часа почти полную машину закидали...

Мы зашли за угол склада и закурили. Среди нас не дымил только Андрюха. Он был маленького роста, и боялся, что от табака вообще перестанет расти.

– Интересно, в этих местах война была? – спросил Яшка.

– Была. В соседнем хуторе немцы стояли. Это мне еще дед рассказывал, – проинформировал Костя.

– А мы с братом прошлой весной два снаряда в поле нашли и в милицию сообщили. Про нас потом даже в районной газете писали, – похвалился Яшка.

– Ладно, пацаны, – скомандовал Андрюха, – покурили и айда работать, сами слышали, что Родине металла не хватает...

Когда мы загрузили кузов с верхом, пришел Петрович и завхоз Алексеевич, рыжий, нескладный мужичок. Петрович вручил водителю сумку с гремящими бутылками и тихо сказал:

– Антон, выгрузишь, где в прошлый раз.

Водитель понятиво кивнул, завел мощный движок грузовика и медленно выехал из ворот хоздвора.

Завхоз деловито прошел по опустевшему складу и при- свистнул:

– Вот что значит – молодая кипучая энергия. Я бы точно здесь и за месяц не разобрал...

Петрович крепко пожал нам руки и улыбнулся:

– Объявляю всему первому отряду благодарность. Ну, ребята, теперь бегите на обед...

Вечером возле клуба проходила дискотека. Девчонки танцевали на пяточке, а пацаны жались вдоль стенки или смеялись, сидя на скамейке.

Я сидел на качелях, на спортплощадке, и смотрел в небо, на одинокую желтую луну. Почему-то на меня нахлынула тоска и мысли о доме. Как они там: папа, мама, сестра Маринка... неужели совсем не скучают по мне?

– Что, тоже по дому соскучился? – раздался голос откуда-то сверху. Я вздрогнул и посмотрел на луну, а после оглянулся назад. Сзади стоял Степа Мосол из второго отряда.

Его фамилия была, на самом деле, Фролов. Но все ребята в первый же день прозвали его Мосол. Степа был очень худой парнишка. Сегодня, когда он разделся в летнем душе, мы старательно обходили его стороной, боясь порезаться об его торчащие ребра. Но в столовой Степка кушал за троих.

«У меня метаболизм такой особенный...» – рассказывал он удивленным пацанам.

Степан вздохнул и задумчиво посмотрел на меня:

– Знаешь, Сокол, как я домой хочу...

– А зачем вообще тогда в лагерь поехал?

– Я вечером домой из Штаба звонил. У меня брат Костя

из армии вчера вернулся. Собирается в Крым ехать. Представляешь: море, круиз на корабле... а я тут, в пионерлагере, рисовой кашей давлюсь, строю хожу, и в конкурсах участвую... Будто нам учебного года мало...

– А что же родителям не скажешь?

– Батя сказал, в выходные приедут навестить. Но весь июнь все равно нужно провести в лагере. Знаешь, какой у меня батя? Сказал – как отрезал. Но я, наверное, все равно ноги сделаю...

Я молча взглянул на него, вздохнул, и побрел в корпус.

По дороге Леночка перехватила меня за руку.

– Так... Соколов, для кого дискотеку крутим? Ты чего такой смурной, Володя? Пойдем-ка... – она потянула меня на дискотеку.

Танцевальная музыка сменилась медленной композицией из «Скорпионс».

– Просто обожаю эту песню, пойдем потанцуем, – Лена ласково обвила меня за плечи.

Мы кружились в танце, я обнял девушку за талию, почувствовав, тонкий аромат ее духов. Запах нежных духов и ее молодого упругого тела вскружили мне голову. А когда она, в танце, мельком задела меня грудью, я ощутил легкую истому внизу живота. У меня перехватило дыхание от близости с девушкой, которая мне нравилась. Вдруг музыка неожиданно закончилась.

– Вовка, ты утром зайди ко мне, я тебе рубашку утюгом

проглажу, не ходи в помятой, – прошептала Лена и упорхнула танцевать в круг, к девчонкам...

Ночью, уже после отбоя, я лежал и думал о Леночке. Все никак не мог забыть наш медленный танец, ее нежные прикосновения, манящую улыбку и блеск ее бездонных голубых глаз...

4

После завтрака я направился в корпус пионервожатых. Подойдя к комнате Лены, осторожно постучал в дверь.

– Входите, – тихо сказала она.

Лена сидела за столом и перебирала учебные методички.

– Садись, Вовка, чай будешь?

– Да вроде позавтракали...

– Тогда снимай рубашку, я же обещала погладить.

Я снял рубашку и отдал Лене, а сам скромно присел на стуле. Она включила утюг, постелила на стол тонкое одеяло, и неторопливо разглаживала складки на моей рубашке.

Сидя сзади, я наблюдал за ее красивой, точеной фигурой. Сквозь Ленины белые шорты просвечивалась тонкая полоска трусиков. Меня бросило в жар. Как же мне хотелось подойти сзади и обнять ее, прижать к себе, впиться губами в ее сочные и манящие губы...

– Слушай, Володя, а ты почему не на трудовом десанте? Сегодня же наш отряд дежурит по столовой.

– Так я отпросился. Сказал по важному делу...

– Хитрый какой... – улыбнулась Лена и протянула нагла-

женную рубашку, ткань была еще горячей после утюга, – Володя, а ты смог бы, ради своей пионервожатой, совершить настоящий подвиг?

– Смог бы, – серьезно сказал я.

– Тут недалеко клубничное поле есть. Прямо за сосновым бором...

– Да видел я, когда мы еще сюда ехали.

– Может сходишь завтра рано утром, наберешь для меня немного клубники... – Лена посмотрела на меня своими ясными, голубыми глазами, – а я тебя поцелую за это...

Я кивнул.

– Только будь очень осторожен. Там сторожа с собаками...

Надев рубашку, я быстро направился к ребятам, понимая, что находясь рядом с Леной, просто безвольно тону в омуте ее бездонных голубых глаз...

Мои товарищи убрали территорию возле столовой: собирали сосновые шишки, которые падали по всей территории пионерлагеря, пропалывали тяпками подростшую траву, и мели метелками мелкий мусор вдоль бордюров.

– Вовка... – отозвал меня в сторону Яшка. – После обеда девчат поведут в летний душ.

– И что?

– Пойдешь с нами за бабами подсекать?

– Не, не пойду. – я серьезно посмотрел на товарища. – Яшка, ты же с поваром вроде подружился?

– Ну да...

– Можешь в столовой небольшое ведерко на время взять?

– А тебе зачем?

– Я Лене пообещал клубники на поле набрать.

– Вот дурачок. Ты что, втюрился в нее, что ли?

– А это не твое дело... – нахмурился я.

– Погоди. Я сейчас...

Яшка ушел и через пару минут вернулся с небольшим пластмассовым ведерком.

– Давай, неси в корпус, пока никто не заметил...

Я отнес ведерко в комнату и спрятал в шкафу.

Как только вышел из корпуса, меня окликнул Борис:

– Соколов, иди-ка сюда. Слушай, ты рисуешь хорошо?

– А что нужно нарисовать?

– Стенгазету помочь оформить. Пойдем-ка в Штаб.

Когда мы пришли в просторную комнату, где творили свои художества творческие личности со всех отрядов, Борис развернул на столе огромный лист ватмана и достал из шкафчика краски и кисточки.

– Вверху напишешь название: «Соколы Ильича». Посреди листа нарисуешь пионерский костер. Слева от костра изобразишь горниста, а справа барабанщика. Статьи я уже потом сам напишу. Все понятно?

Я кивнул и поинтересовался:

– Борис, а почему у тебя на руке татуировка «Алекс»?

Он широко улыбнулся, показав крупные желтые зубы заядлого курильщика.

– Это произошло, когда я еще в армии служил. За месяц до дембеля в нашу роту молодых привезли. Один парнишка был хорошим художником и наколки классные делал, – Борис закатал рукав футболки, показав на правом плече красивую татуировку взлетающей ракеты с огненным хвостом, и синие буквы: «РВСН». – Однажды мы бухнули, а паренька попросили наколоть на руках наши имена. Не надо было тогда этому горе-художнику наливать спиртягу... Короче, этот мудила, когда колол, перепутал наши имена. Лехе наколол «Борис», а мне – «Алекс»... Сначала мы хотели порвать этого придурка на британский флаг, а потом решили, что это даже к лучшему. Ну... как память об армейском друге. Теперь мы с однополчанином Лехой как встречаемся, с улыбкой вспоминаем тот случай. Ладно, ты пока рисуй, я через часок подойду...

Я рисовал стенгазету, а сам думал о Лене. И вдруг понял, что она мне очень сильно нравится. Возможно, я даже влюбился в нее. Я с удивлением ощущал, что мое сердце начало биться быстрее, стоило мне только подумать о девушке. Молодая, симпатичная пионервожатая нравилась не только мне, а всем пацанам в пионерлагере. От нее сходили с ума наш весельчак Борис, мрачный физрук Юра, и болтун-завхоз Алексеевич... Да что там, даже начальник лагеря, Валентин Петрович, украдкой посматривал ей вслед, цокая язычком и вытирая липкий пот со своей лысины.

Ну и что с того, что она старше меня, ведь настоящая лю-

бовь не знает границ, тем более возрастных. Мама тоже старше отца на два года и ничего... Пожалуй, мне нужно признать Лене в своих чувствах, а там пусть она сама выбирает – или я, или этот матрос-балтиец...

Мне вдруг вспомнился огромный желтый плакат, висевший в школе, у кабинета начальной военной подготовки: маленький и тщедушный юноша входит в военкомат, а через два года выходит из него статным усатым мужчиной с широкими плечами, и надпись внизу: «Только армия сделает из мальчика – настоящего мужчину».

Я сидел, склонившись над стенгазетой, и думал о Леночке. Может быть это и есть настоящая любовь, если все время думаешь о человеке и хочешь, чтобы он постоянно, каждую минуту, был рядом? Хочешь видеть ее манящую улыбку, блеск ее красивых глаз, обнимать и ласкать ее трепетное, нежное и такое упругое тело...

– Соколов!

Я вздрогнул и оглянулся: сзади стоял разъяренный Борис.

– Хреновый из тебя художник! Совсем не то рисуешь!

Взглянув на плакат, я увидел, что на нем, прямо посередине, нарисовано большое красное сердечко...

– Иди к столовке, там «газон» с капустой приехал. Поможешь разгрузить... – пробурчал Борис, – не любишь интеллектуальный труд – занимайся физическим...

На следующий день, рано утром, я решил сбегать на поле, за клубникой. Наш корпус располагался всего в тридцати

метра от забора. А напрямую, через сосновый бор, до поля примерно пять минут ходьбы.

Все прошло успешно. Я незаметно покинул территорию лагеря, набрал с краю поля полное ведро крупной и сочной клубники. А когда уже хотел возвращаться назад, услышал неподалеку громкий собачий лай. Огромный и разъяренный пес бежал прямо на меня, готовясь к прыжку.

– Фу, Джек, – на грунтовой дорожке, отделяющей сосновый бор от колхозного поля, появился велосипедист, крепкий парень в тельняшке, лет двадцати. Собака все же успела вцепиться и разорвать мне рубашку на спине. Я упал и разодрал об корягу колено, но ведро с клубникой все же чудом сумел удержать в руке и не рассыпать.

Молодой сторож слез с велика и цыкнул на овчарку, она поджала хвост и села рядом, внимательно разглядывая меня.

– Ты с лагеря, пацан? Колхозное добро тыришь?

– Я...

– Что я? Головка ты от патефона! Видал моего пса? Запомни, щегол, если ты или еще кто из пацанов на поле сунется – я Джека сдерживать больше не буду. А пока на память фофана получи!

И он с оттягом отвесил мне щелбан своим толстым, мясистым пальцем, да так сильно, что у меня в ушах послышался колокольный звон, а деревья и облака закружились перед глазами в темпе вальса.

Когда я вернулся назад и перелезал через дыру в заборе,

то сразу увидел у нашего корпуса Лену. Она тоже меня заметила.

– Володя, ты с ума сошел? Я же пошутила насчет клубники... как ты вообще посмел покинуть расположение лагеря и что... с твоей рубашкой?

Я протянул Лене ведро с клубникой, но она отвернулась:

– Не люблю я клубнику. Иди в свой корпус, и впредь чтоб такое больше не повторялось!

Она развернулась и быстро направилась в сторону корпуса вожатых.

Я принес в комнату банку с клубникой и поставил на стол:

– Угощайтесь, пацаны!

Тут же налетели парни со всего корпуса. А я снял разодранную рубашку и бросив ее в шкаф, лег на кровать и отвернулся к стене. Почему-то на душе было тоскливо...

Весь день я ходил потерянный. Хорошо, что после обеда проходили соревнования по пионерболу, и я немного отвлекся от мыслей о ссоре Леной.

Вечером начальник лагеря, Валентин Петрович, разрешил первому и второму отряду сходить к реке, развести большой пионерский костер.

Пока водили хороводы возле костра, Борис и завхоз Алексеевич частенько бегали в «Уазик», а оттуда приходили жующие и веселые.

« Бухают, скоты... » – прошептал мне на ухо Яшка.

Как стемнело, у речки весело затрещали сверчки. Мы сидели на берегу, рядом с затонувшей старой баржой и завхоз Алексеевич, бывший прапорщик, рассказывал веселые армейские байки. Пацаны слушали его затаив дыхание, а девчонки хихикали в сторонке.

Я покрутил головой, пытаюсь отыскать Лену, но ее нигде не было.

– Лена в лагерь уже ушла, – прошептал Андрей, будто угадав мои мысли.

– Николай Алексеевич, а что, из нашего лагеря убежал кто-нибудь? – робко спросил завхоз Степа Мосол.

– Да попытался тут один «кадр», в прошлом году, его до сих пор на болотах солдаты с собаками ищут, – завхоз сделал большие страшные глаза.

– Болота – это ерунда, – тихо сказал Михей, он был из местных, из соседнего поселка, – вот одному в лесу оказаться – действительно страшно...

– А что у вас тут в лесу? Волки и медведи? – не унимался Степа.

– Есть и волки ... но главное – с Кондрашом в лесу не повстречаться.

И Михей рассказал жуткую историю.

Еще до войны, жил в соседнем хуторе дед Еремей с тремя сыновьями. Когда война началась, он уже старый был, его на фронт не взяли. Он и сыновей не пустил, в лесу, в землянке спрятал. Когда «фриц» пришел и хутор занял, Еремей

с сыновьями полицаями стали. Ходили они по округе, свои порядки наводили и народ грабили. И скоро набрали целый сундучок золота и серебра, и все добро в погребке спрятали. А когда фашисты отступили, бывшие полицейаи хотели убежать, да не успели. Двух сыновей Еремея сразу в расход пустили, а его и младшего сына Кондраша отправили в Сибирь, на двадцать лет. Еремей так и сгинул в тайге, а Кондраш вернулся. Приехал – а вместо старого хутора стоит современный поселок. На месте их ветхой хаты – новый двухэтажный дом. Потом люди видели, что он по ночам вокруг бродит, народ страшит. Хотели его поймать и увезти в «дурку», но он убежал в лес, и до сих пор там живет. А с тех пор, в лесу, каждый год люди стали пропадают...

– Жуть... вздрогнул Яшка. – Почему его до сих пор не поймают? Давно бы солдаты весь лес прочесали...

– Лес для него как дом родной. Он там каждый овраг, каждую ложбинку знает... Потому и трудно его поймать в лесу...

Пацаны молчали, глядя на темную воду и жуткий остов старой баржи, торчащий из реки. Даже болтун-завхоз задумался, бросил окурок и притоптал его ботинком.

Нарушил тишину Борис. Он привстал и потянулся:

– Ну все, ребята, пора в лагерь возвращаться...

– А как же он выглядит, этот дед Кондраш? – схватил за плечо Михея напуганный Яшка, когда мы возвращались обратно в лагерь.

– Как выглядит? – задумался Михей. – Да как обычный

старик, небольшой, морщинистый, борода седая, кепка...

Когда все разошлись, я сказал пацанам, что ненадолго отлучусь. Подкравшись к корпусу пионервожатых, осторожно заглянул в окно Лениной комнаты, но ее там не было. Я прошелся по территории лагеря, и вдруг увидел Лену на качелях, на спортплощадке. Она сидела печальная, сжимая в руке смятый конверт.

Лена увидела меня и грустно улыбнулась:

– Володя, а пойдем на речку?

– Прямо сейчас?

– Через полчаса я буду ждать тебя за старым медпунктом.

Приходи...

Мне никогда не случалось купаться ночью, и я даже не ожидал, что вода в реке окажется довольно приятная и освежающая.

– Лен, а ты будешь купаться? – тихо позвал я.

Она сидела на берегу, обхватив колени.

– Вова, – тихо позвала девушка, – иди ко мне.

Я вылез из воды и подошел к ней.

– Помнишь, я тебе поцелуй обещала?

Я присел рядом, и она нежно обняла меня за шею, пригнула к себе, и впиалась в мои губы. Мое сердце бешено застучало, мы вместе упали на песок и долго целовались. Ее губы были сладкие, как мед. Лена гладила мягкой ладошкой мои волосы, а я осторожно приподнял ее футболку и поцеловал ее в мягкий бархатистый животик, поднимаясь все вы-

ше, к белым упругим полушариям. Лена засмеялась, а затем бережно оттолкнула меня и привстала:

– Володя... давай не будем...

Она провела пальчиком по моим губам, будто запирая их на замок:

– Пойдем, мой хороший, лучше в лагерь, – девушка привстала, накинула мне на плечи большое махровое полотенце и взяла за руку. – Пойдем-пойдем, поздно уже...

5

На следующий день, во время тихого часа, Костя и Яшка самовольно бегали купаться на речку. Кто-то из поселка увидел ребят и позвонил в лагерь. Назад их притащили Борис и суровый физрук Юра.

Перед ужином построили весь пионерлагерь. Валентин Петрович, вытирая испарину со лба, начал выступление:

– Ребята, сегодня у нас случилось страшное событие. Два пионера из первого отряда самовольно покинули расположение лагеря... Давайте не будем забывать, что мы находимся не на курорте, и прежде всего должны думать о дисциплине и порядке. Наш общий враг не дремлет и расслабляться сейчас нельзя... – Петрович расстегнул верхнюю пуговицу на сорочке. – Ребята, помните, что вы – пионеры. А у пионеров главный девиз – один за всех, и все за одного. Виновные в серьезном проступке будут строго наказаны, вместе со своим отрядом.

Весь следующий день мы работали по уборке и благо-

устройству территории: пололи траву, сгребали в кучу сосновые шишки и белили бордюры. Костя и Яшка, как самые провинившиеся, выкорчевывали два старых пня, возле Штаба. Суровый Петрович грозно посматривал на них в окно.

После ужина ко мне подошел Степан Мосол:

– Володя, я сваливаю домой завтра ночью, бежишь со мной?

– Нет. А чем тебе, Степка, здесь плохо?

– Ты же тоже по дому скучаешь? – удивился Мосол.

– Да нет. Привык уже здесь... поначалу только немного скучал...

Я вспомнил о жарких объятиях Лены и ее сладких губах...

– Ну смотри, у тебя еще есть время подумать. Я раздобыл в библиотеке карту местности и перерчертил на бумагу. Если по трассе – до Зареченска двадцать восемь километров. Но мы пойдем по прямой – тут небольшая речушка, лес, потом выйдем через поселок – и попадаем на окраину города, прямо к автовокзалу. Всего нужно пройти двадцать километров. А там на автобус и домой...

– Да не куда я не побегу, Степа. И тебе не советую.

– Не сдашь меня?

– Ты дурачок, что ли? За кого меня принимаешь?

Мосол похлопал меня по плечу и медленно побрел в свой корпус...

Вечером, после отбоя, Андрей тихо сказал:

– Пацаны, я вам хочу страшную тайну открыть...

Он на минуту замолчал.

– Говори давай... – нетерпеливо пробурчал Яшка.

– Помните металлолом, который мы со склада в грузовик грузили?

– Ну?

– Все отвезли на дачу Петровичу.

– Откуда ты знаешь?

– Михей рассказал. Антон, водитель самосвала – это его родной дядя. Оказывается, наш начальник лагеря, Валентин Петрович – хапуга и расхититель народного хозяйства. Он строит себе дачу на государственные средства, и даже с пионерского лагеря крадет.

– Подонок... – тихо сказал я.

– Предлагаю написать заявление в райком партии, – тихо сказал Андрей, – все ребята подпишутся. Пусть отвечает за свои поступки...

– Обязательно напишем, – я сжал кулаки от гнева.

– Пацаны, заявление завтра напишем. А сегодня ночью я предлагаю ему отомстить за подлый обман, – предложил Яшка.

– А как?

Яшка привстал и достал из тумбочки пакет с сахаром.

– Жалко, конечно, добро переводить... ну да ладно. Мы ему в бензобак сахар насыплем, и этот подонок где-нибудь заглохнет на своем «Москвиче». Способ проверенный.

– Погодите... – задумался Андрияха, – как мы насыплем? У него же машина стоит возле старого медпункта, под самым фонарем. Нас сразу заметят.

– Да не заметят... – отмахнулся Яшка, – сегодня День рождения у пионервожатой Татьяны, все после отбоя в клубе водку будут пить. Борис уже обход сделал и тоже туда направился...

– Тогда погнажи, чего мы ждем! – я решительно встал с кровати и натянул шорты.

Мы тихо вышли из корпуса. На улице стояла тишина, только вдалеке, из окон клуба слышалась музыка, голоса и женский смех. Желтый «Москвич» Петровича находился на асфальтовом пяточке, за старым медпунктом, под тусклым фонарем, который облепили ночные бабочки и комары. Пацаны направились к машине, а я стоял на шухере, поглядывая, что бы никто, ненароком, не вышел из клуба. Вдруг я заметил, что в одном из окон старого медпункта тускло горит свет.

Странно, там же идет ремонт, кто там может сейчас быть?

– Сокол, уходим, – тихо окликнул меня Яшка, – мы все...

Я махнул ему рукой, а сам подошел к медпункту и забрался на деревянные козлы, чтобы заглянуть в окно.

В углу полутемной комнаты, на кушетке, лежала почти обнаженная Лена, в белых трусиках и пионерском галстуке, чуть прикрывавшем ее большую упругую грудь... а над ней склонился, со своим огромным пузом, лысый Петрович, он

нагло мял волосатыми руками ее белую грудь, целовал шею, а она только молча улыбалась, блаженно растянув губы в похотливой улыбке...

Я встряхнул головой, подумав сначала, что это наваждение. Но все происходило наяву, на моих глазах. Горячая волна ударила мне в голову. Сразу стало как-то не по себе. И стыдно, и мерзко. Я спрыгнул с козлов и шатаюсь, медленно побрел к корпусу.

« Как она могла... Да еще со старым Петровичем... »

Еще недавно я любил ее всеми клеточками своего тела, а теперь ненавижу... Она совершила подлый поступок. Я понял, что не могу ее больше видеть. Никогда в жизни. И выход здесь был только один.

Когда пацаны в комнате уснули, я направился в корпус второго отряда и разбудил Степу.

– Пойдем на улицу, нужно поговорить.

Мы тихо вышли на крыльцо.

– Степан, давай убежим из лагеря прямо сегодня ночью.

– Знаешь, Володя, я долго думал сегодня перед сном... не могу... – он опустил голову, – я не побегу.

– Как! Ты же сам меня уговаривал! Степа, ты чего, заднюю включил? – я был ошарашен новостью.

– Я решил остаться. Ты пойми, если что случится – у меня бабуля не выдержит. Я в прошлом году в лесу заблудился, меня тогда пол деревни всю ночь искали, так она потом на две недели от нервного потрясения в больницу слегла. Мам-

ка и то так не переживает, как бабуля... Если уж совсем хреново будет – в выходные позвоню и брат меня заберет. Но сам точно не побегу.

– Все с тобой ясно...

Степа достал листок бумаги из кармана:

– Вот тебе карта. У тебя точно все получится...

Он шмыгнул носом, развернулся, и ушел в свой корпус. Я стоял ошеломленный, но для меня обратного пути уже не было...

6

Я все же решил бежать из лагеря этой же ночью. Видеть утром счастливое лицо Лены, которая спит со стариком – было выше моих сил. Я посмотрел на часы: было уже половина третьего. Быстро побросав свои вещи в рюкзак, я вышел из корпуса, перелез через дыру в заборе, и направился сквозь сосновый бор, стараясь обойти подальше клубничное поле, чтобы не потревожить разъяренного Джека и его хозяина...

Почти всю дорогу, пока я шел, то думал о предательстве Лены. Получается, она предала не только меня, но и своего жениха-матроса... И как она могла лечь с этим противным толстым Петровичем, который был к тому же вором и хапугой, это никак не укладывалось в моей голове...

Через два часа ходьбы по лесу я понял, что заплутал. Степан, наверняка, неправильно нарисовал карту, и когда начало рассветать, вместо реки я вышел к странной лесной чаще. Я пробрался через колючие ежевичные кусты и оказался в

небольшой роще. Среди деревьев бродил странный старик, похоже, он искал грибы в лесу.

– Дедушка, вы дорогу до Зареченска не подскажете?

Старик оглянулся и внимательно посмотрел на меня. В руке он крепко сжал большой нож, с кривым лезвием. Я вздрогнул: морщинистое лицо, седая борода, кепка. Кондраш!

Я развернулся, и что было духу помчался в противоположную сторону, сквозь чащу, подальше от злобного старика-убийцы... Я бежал, даже не замечая, как ветки хлещут меня по лицу, как спотыкаюсь об сухой валежник... мчался я очень долго, пока совсем не выбился из сил, и не скатился в овраг. Внизу я замер и прислушался. Стояла странная тишина, даже не слышно было пение птиц в лесу. Я понял, что за мной никто не гонится.

Овраг, куда я угодил, довольно необычный. Верху, где начинался спуск, стоял плотный туман, а внизу его уже не было. Я вылез с противоположной стороны оврага и понял, что окончательно заблудился.

Точно, Степан что-то напутал с картой! По солнцу я определился со сторонами света, и направился на Север. Но вышел, к своему удивлению, не к речке, а прямо к шоссе. Неподалеку я заметил знакомый поворот на пионерлагерь и понял, что все это время просто бродил в лесу по кругу.

Ну что же... Значит не судьба убежать. Часы показывали почти семь утра. Сейчас я незаметно вернусь в лагерь. Сего-

дня же позвоню отцу, и завтра он заберет меня отсюда. Потерплю еще денек эту похотливую и лживую сучку...

Я опять шел через сосновый бор, к пионерскому лагерю. Но подойдя ближе, застыл в нерешительности: корпуса такие же кирпичные, но забор стоял бетонный, двухметровый. Я догадался, что куда-то не туда забрел. Подойдя к воротам, обнаружил сторожку из желтого кирпича и шлагбаум. Возле него стоял крепкий мужик в пятнистом военном костюме.

– Вы к кому? – насторожился он.

– Извините, вы не подскажете, где находится пионерлагерь «Золотой колос»?

– Да тут он раньше и был. А сейчас здесь турбаза «Сосновый бор».

Я застыл в нерешительности. Зря он так шутит, мне и так муторно на душе...

– Хороший был пионерлагерь... – тихо сказал мужичок, – я сам здесь отдыхал, когда пацаном был... Лет десять назад закрыли.

Я покосился на красивые иномарки, стоявшие на асфальтовом пяточке.

«Здесь наверняка засекреченный военный объект. Потому и форма у сторожа такая странная...»

Нужно срочно валить отсюда и еще раз изучить карту Степана.

– Понятно... – пробурчал я, и направился в сторону поля. И вскоре вышел к берегу речушки. Тут я и застыл на месте.

Да вон же, она, утонувшая баржа... Мы были здесь всего пару дней назад, жгли пионерский костер, завхоз Алексеевич рассказывал свои армейские байки...

Несмотря на утро, на берегу уже отдыхала компания молодых людей. Из машины доносилась громкая музыка. Белобрысый парень достал из багажника пакет, с бутылками пива, напевая что-то под нос, и вдруг заметил меня:

– Мужик, а ты откуда нарисовался?

И тут я застыл на месте, увидев ошеломляющую картину.

Две молодые девушки лежали на песке абсолютно без верхнего нижнего белья. Блондинка с короткой стрижкой привстала, недовольно взглянув на меня и прикрыла руками небольшую грудь со светло-розовыми сосками.

– Никита! – окликнула она крепыша, который разводил костер, – этот упырь на меня глазеет!

– Мужик, иди на хер отсюда! – рявкнул крепыш.

Белобрысый опустил пакет с бутылками на песок.

– Никитос, да мужик, по ходу, похмелиться хочет...

Он протянул мне бутылку пива:

– Держи и вали отсюда!

– Не пью пива... – я невольно покосился на большую неприкрытую грудь второй девушки, брюнетки. Она лежала на песке в солнцезащитных очках и улыбалась.

– Да он извращенец! – взвизгнула блондинка, показав на мои брюки.

Я действительно сильно возбудился от вида обнаженной

женской груди, и даже забыл, что хотел спросить у молодых людей о пионерском лагере...

– Вот урод! – крепыш быстро подошел ко мне и от души вмазал кулаком по щеке.

Мимо меня пролетели сотни звезд и с десятков комет с огненным длинными хвостами. Я уткнулся лбом во влажный песок и замер.

– Ты же его вырубил, придурок!

– А не хер на девчонок зырить... извращенец поганый...

Мне совсем не хотелось открывать глаза. Конченые отморозки. Им лет по двадцать... справились, суки, с тринадцатилетним пацаном... Я замер, стараясь даже не дышать, может тогда они и не будут больше меня бить...

Крепыш подошел ко мне и прислушался:

– Да он вроде не дышит...

– Валим быстро отсюда... на хрена ты вообще его трогал... – испуганно вскрикнул белобрысый.

Крепыш слегка побил меня по щекам:

– Мужик, очнись...

А хренушки... Зря, что ли, я год ходил в театральный кружок!

Послышались беготня, и когда я приоткрыл глаза, машина с молодыми людьми уже уносила прочь, оставляя за собой клубы пыли...

Я привстал, подошел к реке и умылся.

Сзади слышался хруст веток и сверху спустился усатый

мужичок с удочкой и небольшой сумкой.

– Ну ты как, братишка?

– Нормально.

Я почувствовал, как моя щека горит и быстро распухает.

– Я видел, как этот мудака тебя ударил. Конченные отморозки... Они из райцентра, похоже...

Мужик сел на берегу и достал из сумки железную банку из-под кофе. Вытащив пальцем жирного червячка, он ловко насадил его на крючок, закинул удочку и вполоборота обернулся ко мне:

– А за что они тебя?

– Сказали, что я извращенец...

– А они, блядь, не извращенцы... бабы у них ходят – сиськами сверкают... Наверное еще, и партнерами меняются, как свингеры.

– А кто такие свингеры?

– Это когда свою жену под чужого мужика подкладываешь...

– Разве такое может быть?

– Выходит, может... – усмехнулся мужичок

– Вы не подскажите, как добраться до пионерского лагеря «Золотой колос»?

– Его закрыли давно. Там сейчас буржуи турбазу открыли.

– Какие еще буржуи?!

– Да там цены такие, на этой турбазе, что, пожалуй, и не каждый буржуй потянет.

– Что вы мне голову морочите? Буржуев уже давно нет. По крайней мере, в нашей стране.

– Похоже, мужик, у тебя сотрясение мозга. Давай я тебя в районную больницу отвезу...

– А с чего вы это взяли? – я снял футболку, смочил ее в реке, и приложил к распухающей щеке.

– Слушай, а откуда ты вообще здесь взялся? – мужик положил удочку на рогатину, торчащую в воде. – Я сначала подумал, что ты из этой турбазы и пришел.

И тут я с ужасом вспомнил, что свой рюкзак с вещами оставил в странном овраге в лесу.

– Я пришел не из турбазы, я бежал из лагеря. Меня наверняка уже все ищут.

Мужик странно посмотрел на меня, вытащил из воды удочку и стал ее сматывать.

– Что-то не клюет здесь сегодня. Поеду лучше в другое место.

У меня возникло странное ощущение, будто он почему-то опасается меня.

Когда рыбак ушел, я присел на берегу. Костер, который не успели потушить молодые люди, уже догорал. Солнце взошло довольно высоко, сейчас точно уже часов десять.

Мне вспомнилось прошлое лето у бабушки. Ночевки на сеновале, запах свежескошенных трав, парное молочко по утрам, и маленькая извилистая речушка, с зеленой тиной у берега... Может, действительно, нужно было поехать на ме-

сяц к бабушке в деревню...

Мой голодный желудок заурчал. Я понял, что давно хочу чем-нибудь подкрепиться. Однако, пионерский лагерь странным образом исчез, меня почему-то никто не искал, а значит, нужно добираться до ближайшего населенного пункта, чтобы позвонить домой, а заодно и купить в магазине какой-нибудь еды. И тут я, с сожалением, вспомнил, что пять рублей, которые были у меня в кармашке рюкзака, остались в лесном овраге...

За речкой виднелись домики. Я вспомнил, что там находится село, а значит должна быть и почта. Да в любом случае, у кого-нибудь из жителей есть дома телефон...

7

Пройдя через речку, по деревянному мостику, я почти подошел к ближайшему дому, с высокими зелеными воротами, и вдруг увидел впереди милицейскую машину. Она ехала по грунтовке прямо ко мне.

« Вот у милиционеров и спрошу про пионерлагерь... » – подумал я.

Из машины вылез высокий милиционер в странной черной форме и маленький лысый мужичок, в обычном сером костюме.

– Гражданин, предъявите, пожалуйста, ваши документы, – обратился ко мне милиционер.

– У меня нет документов, – добродушно улыбнулся я.

– А откуда вы следуете? – поинтересовался пижон в ко-

стюме.

– Я... из лагеря сбежал.

Мужчины переглянулись.

– Васильевич, по ориентировке не сходится. Беглецу не больше тридцатника, а этот уже в возрасте... – пожал плечами высокий милиционер, показав на меня.

Что значит в возрасте?

Лысый неторопливо закурил, покосившись на меня:

– Странный он все же какой-то. Может, наркоман... Пакуй его, Лавров, в отделении разберемся...

Милиционер подошел и быстро нацепил на мои руки наручники. Меня посадили на заднее сидение машины, и рослый милиционер уселся рядом:

– А кто вас ударил?

– На берегу избили. У одного паренька руки сильно чесались.

– Это, наверное, молодежь на «девятке», – пробормотал белобрысый водитель в форме, – мы их видели, когда в поселок въезжали.

– Вы заявление на нападавших будете писать? – спросил лысый мужик.

– Не буду. Пусть живут пока.

Через несколько минут машина выехала на асфальт. По шоссе милицейский автомобиль несся с довольно приличной скоростью.

У мужика на переднем сидении в кармане пиджака заиг-

рала музыка.

Он достал черный приборчик и приложил к уху:

– Кузнецов слушает... Да вы что? Поймали уже? Молодцы... Мы как раз тоже в район едем... Не с пустыми руками...

Мужик повернулся ко мне и шмыгнул носом.

«Что-то типа рации, – подумал я, – классная штука и довольно компактная...»

– Васильевич, на нарика он вроде не похож. И руки у него чистые. Я имею в виду вены... – пробубнил милиционер.

– Вы где проживаете, гражданин? – поинтересовался лысый.

– В Ленинске, – пожал я плечами.

– А здесь чем занимаетесь?

– Я же вам говорил. В пионерский лагерь приехал, на первую смену. А сегодня утром сбежал...

– Не староват ли ты для пионера, мужик? – хмыкнул лысый, и обернулся к сержанту, – Лавров, ты на внешность не смотри. Руки могут быть и чистые, эти торчки сейчас внутрь всякой гадости наглотаются, а потом зеленых человечков видят и с пнями в лесу разговаривают...

– Какого вы года рождения? – спросил милиционер.

– Тысяча девятьсот семьдесят шестого.

– Ну примерно так оно и есть. Так какого хрена вам в пионерлагере в сорок лет делать?

– Вы шутите со мной. Мне тринадцать лет только весной

исполнилось...

Лысый открыл бардачок, достал из него круглое зеркальце и протянул мне.

Я посмотрел в него и застыл от изумления. На меня из зеркала смотрел мужик с короткими темными волосами, седой на висках, и небритой щетиной. Только глаза были точно мои, темно карие, но немного уставшие.

Это наверняка фокус такой. Волшебное зеркало. Слышал я про такие штучки... Эх, зря я все-таки из пионерлагеря сбежал. Теперь меня точно поставят на учет в детскую комнату милиции. Только бы из рядов пионерской организации не исключили...

Я отвернулся к окну. Однако, сколько по дороге иномарок попадает, даже как-то странно. Машина въехала в Зареченск, а на втором перекрестке свернула и остановилась у двухэтажного желтого здания с большими синими буквами над дверью: «Полиция».

Не пойму, я что, в Америку попал? Какая еще полиция?

– Васильевич, так его куда сейчас, на медицинское освидетельствование? – спросил высокий милиционер.

– Лавров, ты его сначала по базе пробей. Пальчики откачай. Очень подозрительный тип... – хмыкнул лысый, взял из бардачка небольшую кожаную папку и направился вверх, по ступенькам.

– Скажите... это действительно Зареченск? – упавшим голосом спросил я милиционера.

– Конечно.

– А почему полиция в городе?

– Слушай, мужик, ты меня забодал уже. Пойдем узнаем, что ты за тип такой...

Когда меня привели внутрь здания, из комнаты с решетчатым окном вышел худощавый майор. Увидев меня, он застыл на месте. Мне показалось, что даже челюсть у него отвисла до груди.

– Соколов!..

Я смотрел на него, и мне показалось, что я тоже где-то видел его, но никак не мог вспомнить где...

– Товарищ майор, вы его знаете? – спросил милиционер.

– Знаю. Это Володя Соколов. Мы в пионерском лагере вместе отдыхали в восемьдесят девятом. У меня же фотографическая память.

Что он несет? И тут я понял, что мужик похож на нашего футболиста из пионерлагеря, Костю Трофимова. Такие же глаза-щелки, хитрый прищур, и большой породистый нос... только куда девались его жесткие светлые волосы, откуда эти огромные, как океаны на школьном глобусе, залысины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.